

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Екатерина
Островская*

АКТЕРЫ
ЗАТОНУВШЕГО ТЕАТРА

Екатерина Николаевна Островская

Актеры затонувшего театра

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35245504
Актеры затонувшего театра: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095766-8

Аннотация

Возвращаясь из зарубежной командировки, Вера Бережная встретила на улице Стокгольма своего знакомого, бывшего министерского чиновника Бориса Софьина. Оставив должность, он решил заняться организацией круизов и предложил Вере вернуться в Санкт-Петербург на его фешенебельной яхте. Борис обещал незабываемую поездку, ведь на яхте сейчас гастролирует театральная труппа. И действительно, эту поездку Вера вряд ли забудет! В первый же день путешествия была убита чиновница, которая курировала театр и сопровождала актеров. И причины желать ей смерти нашлись у каждого из служителей Мельпомены...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Островская

Актеры затонувшего театра

© Островская Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведением только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными вымышленными мирами Екатерина использует для восстановле-

ния справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Глава 1

Вера Бережная прогуливалась по самому центру Стокгольма, по узкой улочке старого города Гамла Стана, когда ей позвонили из отеля и сообщили, что на завтрашний рейс в Петербург билетов уже нет.

– Туда же две компании летают, – напомнила Вера. – И на оба рейса нет билетов?

– Такое случается, – ответили ей. – Вот если бы у вас был билет с открытой датой, то, возможно, смогли бы улететь. Но вы не переживайте, в авиакомпании «САС» есть два места в бизнес-классе на послезавтра. Будете бронировать?

– Подумаю и перезвоню.

Разговаривать на ходу было неудобно, и потому Вера остановилась возле витрины какого-то магазинчика, в которой отражались она сама и пустая узенькая улочка, мощенная булыжником.

– Вы можете заказать билет, а потом отказаться, – настаивал мужской голос.

– Перезвоню, – повторила Вера и закончила разговор.

Она еще раз посмотрела в витрину на свое отражение, хотела поправить прическу, что немного растрепалась на ветру с залива, но тут заметила, что внутри магазинчика кто-то стоит и рассматривает ее. Вера хотела развернуться и уйти, но вдруг поняла, что на нее через стекло смотрит моло-

денькая индианка в желтом сари и с красной точкой на лбу – бинди. Девушка улыбалась ей, и Вера, повинувшись внезапному порыву, открыла дверь и вошла внутрь.

Магазинчик был небольшой, в нем продавали самоцветы и изделия из золота. Вера не планировала покупать украшения, но раз уж вошла, то стала рассматривать представленный товар.

Она посмотрела на улыбающуюся девушку.

– Это чандра?¹ – спросила Вера, коснувшись пальцем своего лба, зеркально отображая девушку. – Вы замужем?

Девушка смутилась.

– Нет, чандру могут носить и девушки, потому что это красиво. А это просто тика.

Девушка была очень молода – лет пятнадцать, вероятно. Она работала в магазине одна, даже охраны у входа не было. А золота на прилавке было много, в основном цепи: от совсем тоненьких и коротких, очевидно, предназначенных для детей, до мужских толщиной с мизинец и весящих граммов двести – не менее. Индианка положила на прилавок кулончики на цепочках. Это были отполированные камни: желтые, зеленые, красные. Вряд ли натуральные минералы, в первый момент подумала Вера, но стала рассматривать их и поняла: камни самые что ни на есть настоящие – желтые и розовые топазы, зеленые, синие и черные турмалины, оливковые хризолиты, темно-красные гранаты.

¹ Чандра – наносимая на лоб точка, которую ставят себе замужние индианки.

Внимание Веры привлек один из кулонов, и она взяла его в руки. Крупный ограненный камень переливался светло-фиолетовым и голубым цветами, а порою казался и вовсе темно-синим.

– Сапфир? – поинтересовалась Вера.

– Танзанит, – тихо ответила индианка. – Очень редкий, но очень дорогой. Нам его один араб привез, прямо от Килиманджаро, где находится единственное в мире месторождение этого камня.

– Сколько граней?

– Пятьдесят семь. Это классическая бриллиантовая огранка, чтобы подчеркнуть красоту камня и его блеск. Мой дядя работал с ним и восхищался его красотой. Камень был больше, но теперь его вес – восемь граммов, то есть сорок один карат.

– Сколько стоит?

– Сорок тысяч крон, – ответила девушка-продавец. – Этот камень притягивает богатство и роскошь, он стабилизирует глазное давление, успокаивает нервную систему, снимает усталость, боли в спине и предохраняет от простуды и воспалений...

– Красивый, – оценила Вера и отдала кулон индианке.

Платить за красивый, но неизвестный ей минерал почти триста тысяч рублей она не собиралась.

– У Тиффани он стоил бы пятьдесят тысяч евро или еще больше, – тихо произнесла девушка. – Возьмите. Это ведь

ваш камень. Ведь вы Овен?

Вера кивнула. Но решения своего не изменила. Подумав, угадала продавец ее знак зодиака. Она повернулась к дверям.

– До свидания. Очень красивые минералы.

– Это ваш камень! – воскликнула ей вслед индианка. – Если вы будете носить его постоянно, то ваш мужчина вскоре вернется и не покинет вас никогда больше. Пятнадцать тысяч...

Вера повернулась. Девушка смотрела на нее, и глаза ее блестели от слез.

– Ваш мужчина воин?

Вера удивилась вопросу и кивнула.

– Вы его ждете?

Некая нереальность происходящего пугала Веру, но она вновь кивнула.

– Тогда он ваш, – уверенно проговорила индианка.

– С карты можно оплатить? – только и спросила Вера, голос почему-то охрип.

– Если только не «американ экспресс». Здесь не проходят платежи, – радостно закивала индианка.

Она достала бархатную коробочку и хотела упаковать кулон вместе с золотой цепочкой, но потом посмотрела на покупательницу и предложила:

– Давайте я надену его на вас.

Вера подставила голову, индианка надела ей на шею кулон

и поправила волосы. Поднесла зеркало. Камень смотрелся и блеснул шикарно.

– Берегите его и постарайтесь не разбить, – попросила девушка перед тем, как Вера подошла к двери. – Он очень хрупкий.

И тогда Вера поняла, что ее обманули. Как она не догадалась сразу? Какой-то араб с горы Килиманджаро, из центра Африки, из страны, которая когда-то называлась Занзибар, привез этот минерал в Стокгольм! Не в Голландию, или в Швейцарию, где такой камень продал бы в несколько раз дороже, а в Стокгольм, где он не нужен никому, кроме странной девочки из индийской лавки.

Занзибар! Страна, в честь которой по всему миру называют теперь питейные заведения с дискотекой. Надо было подумать, а не соглашаться сразу.

Вера обернулась и увидела, что узкая дверь за прилавком отворилась и оттуда вышел старый смуглый индус с длинной седой бородой и в белой чалме.

«Белую чалму носят мужчины сикхи, – вспомнила Вера. – Носят, когда у них траур».

Затевать скандал и возвращать покупку она не стала. Открыла дверь.

– Будь счастлива, – произнес ей вслед тихий мужской голос.

Глава 2

Вера вышла из магазинчика, повернула налево, сделала с десяток шагов, вспомнила, что как раз оттуда пришла, – впереди стояла кирха Святого Николая. Развернулась. В лицо сразу ударил сильный порыв ветра. Пришлось опять подставлять спину и двигаться обратно к кирхе. Там был поворот направо в сторону королевского дворца.

Вера шла, стараясь держаться рядом с древними серыми зданиями. Они хоть немного прикрывали от ветра. Но потом пришлось опять свернуть к набережной, надо было перейти мост, по которому полз непрерывный поток автомобилей. За мостом виднелось здание гранд-отеля «Стокгольм». Идти недалеко – минут двадцать, не больше, но продираться сквозь порывы колючего ветра не хотелось.

Автомобилей на набережной почти не было. Но Вера не успела сделать и двух шагов, как рядом проехал большой черный автомобиль и тут же остановился. Задняя пассажирская дверь отворилась, из салона выглянул мужчина.

– Вера? – спросил он удивленно и тут же, узнав окончательно, широко улыбнулся. – Верочка! Какая встреча! Надеюсь, не забыли меня? А я еду, смотрю в окошко – девушка симпатичная. Даже удивился: откуда в Швеции такие? А потом как молнией пронзило. Вы что, забыли меня?

– Вспомнила, – улыбнулась Вера. – Мы как-то летели в

одном самолете.

– Ну, конечно! Мы с Дезиком – в Давос, а вы – в Цюрих. Нас посадили в Мюнхене, и мы четыре часа просидели в баре. Так чудесно тогда пообщались! Дмитрий Захарович, если не ошибаюсь, тогда вам дал визитку. Мы с ним потом даже поспорили: позвоните или нет. Дима не сомневался, что не пройдет и пары дней, как вы объявитесь. Но спор выиграл все-таки я.

Мужчина вышел из машины и шел теперь к ней.

– На что хоть спорили? – поинтересовалась Вера.

– Да уж не помню.

Только теперь Вера вспомнила имя случайного знакомого – Борис Борисович. Он был заместителем министра. А Дезик, или Дмитрий Захарович Иноземцев, соответственно министром.

– А что вы пешком? – спросил Борис Борисович. – Сегодня такой ветер! А ведь с утра почти полный штиль.

– Мне недалеко, – ответила Вера и показала рукой. – В «Гранд-отель». Думала улететь с утра, а придется задержаться: билетов нет.

Широко улыбнулся, изображая радость и расположение, Борис Борисович проговорил:

– Ну, тогда меня вам бог послал. Своего самолета здесь у меня нет, но яхточка имеется и свободная каюта тоже найдется.

– Да я уж как-нибудь авиатранспортом доберусь.

Но чиновник уже выскочил из машины и подхватил ее под руку.

– Напрасно отказываетесь, Верочка. Вы же не видели мой кораблик! Кстати, вон он стоит...

Борис Борисович указал в направлении, в котором пару минут назад двигался его «Бентли».

– Видите. Только не этот уродец-паром, а сразу за ним. Вон она, моя яхточка. Можете, конечно, отказаться от комфортабельного путешествия, но осмотреть мое судно все же рекомендую. Три пассажирских палубы, каюты класса люкс, а главное – почти пустой корабль. Недавно прошли ходовые испытания, я его даже командой как следует не укомплектовал. Решил отправить в круиз актеров известного всей Москве театра «Тетрис», который давно спонсирую. Хельсинки – Стокгольм – Осло. Они как раз в Осло на Ибсеновском фестивале были, а теперь вот возвращаются с большим успехом. Сегодня выходим, а послезавтра с утра будем в Питере. В Хельсинки заходить не будем.

Вера задумалась. Задерживаться еще на два дня в Стокгольме ей не хотелось.

– Во сколько мне обойдется переход?

– Сплошная экономия получается, – ответил Борис Борисович. – Вы сколько за сутки в «Гранд-отеле» платите? Двести евро ведь, не меньше? Считайте сами: два дня проживания – уже четыреста, потом сто семьдесят евро стоит билет на самолет, до аэропорта еще надо добраться... Вот и считай-

те шесть сотен евро экономии. И возвращение вам предстояло без особого комфорта, как и здешнее проживание в отеле с громким названием. А у меня: каюта-люкс, прекрасный ресторан – и ни копейки платить не надо. К тому же гарантирую изысканное общество. Труппа популярного театра: актеры замечательные и гений-режиссер. Слышали небось про Гилберта Яновича Скаудера? Скучно не будет, я обещаю.

– Хорошо, – согласилась Вера. – Уговорили, только мне надо выселиться из отеля и забрать свои вещи.

– Никаких проблем! – улыбнулся Борис Борисович.

Он продолжал говорить и в машине рассказывал, как закончил с чиновничьей карьерой и стал владельцем шикарного круизного судна.

– Леша Курганов... Если помните, конечно... Слышали ведь наверняка? Ну, тот, который сбежал с деньгами вкладчиков своего банка: посчитал, что Англия его не выдаст. Она и не выдала, зато по запросу нашего правительства были арестованы его счета за рубежом и все недвижимое имущество – как-никак на полмиллиарда американских рублей он вкладчиков обул. А я случайно узнал, что Курганов заказал круизное судно на верфи «ДАМЕН» в Голландии. Предоплату сделал, а до конца не рассчитался. Вот я и подсуетился. За пятнадцать миллионов взял. Повезло. Это дешевле, чем стоимость внутренней отделки. Решил корабль на канарские круизы поставить. А портом приписки станет Майами...

Они остановились у главного входа в «Гранд-отель». Ве-

ра вышла, Борис Борисович остался внутри «Бентли». Когда она наклонилась закрыть дверь, он заметил ее кулон.

- Какая красота на вашей прекрасной шее! Это сапфир?
- Танзанит.
- Да вы что! Редкий камень и очень дорогой!

Глава 3

До каюты нетяжелый чемодан Веры помог донести вахтенный матрос. Отделка корабля поражала своим великолепием: никакого пластика – на стенах ореховые панели, дорогая ткань. Бронзовые бра с хрустальными подвесками.

Матрос шел впереди, за ним Вера, а следом Борис Борисович.

– Роскошно, как в «Титанике», – оценила Вера.

– Все так, – согласился бывший заместитель министра. – Будем надеяться, что айсберга на нашем курсе нет.

Каюту ей предоставили на третьей палубе, в том же самом отсеке, где была каюта судовладельца.

Борис Борисович лично проводил ее и предупредил, что ужин будет в семь вечера, но если Вера не хочет ждать, то ей прямо сейчас или чуть позже в каюту принесут все что угодно. Вера ответила, что потерпит.

– Моя каюта в конце коридоре, – напомнил Борис Борисович. – То есть в конце прохода. Ведь так, кажется, говорят на флоте.

– Точно так, – ответил матрос, ожидающий дальнейших указаний.

– А ты свободен, любезный, – отпустил его владелец яхты.

Чемодан стоял в каюте, Вера у порога, а Борис Борисович перед ней, явно не собираясь уходить и ожидая, что она при-

гласит его к себе. Но Вера молчала, а он не знал, как затянуть разговор.

– По делам приезжали? – поинтересовался он.

– По делам.

– Важные?

– Более чем.

Она понимала, что владелец яхты ждет предложения войти, но сейчас ей хотелось побыть одной, потому что день, который еще не закончился, принес одни разочарования.

– Давайте чуть позже пообщаемся, – предложила она. – Я бы хотела отдохнуть.

Борис Борисович кивнул, хотел уже идти, но еще раз посмотрел на кулон.

– Замечательный камень! Я только один раз такой видел. Не такой точно, просто танзанит. Но он был меньше и зеленоватый. В Нью-Йорке на ювелирке на Элизабет-стрит за него просили сотню тысяч. Бывшая жена так его хотела. Но все. Ухожу. Не буду мешать, отдыхайте. Но не забудьте, что ужин в семь.

Каюта была просторной и роскошной. Деревянных панелей на стенах, правда, не было, зато вместо обоев интерьер украшала шелковая ткань с рисунками. Изображались эпизоды из жизни черных рабов на плантациях. Картинки были сделаны в стиле мексиканского художника Диего Риверы. Скорее всего, именно его работы и стали основой для творчества обойных дел мастеров. Еще были зеркала на сте-

нах и на потолке, большая двухместная кровать, два кожаных кресла и телевизор на стене...

Вера заглянула в туалетную комнату, но там ее ничего не удивило – разве что большая душевая кабина с парогенератором для создания эффекта турецкой бани.

До ужина оставалось ровно три часа. В каюте сидеть не хотелось, и потому Вера решила осмотреть судно.

Она вышла из каюты, прошла до конца коридора, хотела постучать в дверь Бориса Борисовича, но в последний момент передумала. Все вокруг было тихо.

Яхта оказалась огромной. Корабль. И с набережной, когда подъехали, судно смотрелось большим, но теперь Вере казалось, что она путешествует по пустому городу – пустому и незнакомому. Где-то далеко остался Стокгольм с переполненным народом центром, проспектами, заполненными автомобилями, с узкими улочками и старыми домами. А сейчас она бродила по коридорам, вдоль тихих дверей кают, никого не встречая.

Она остановилась у стеклянных дверей, ведущих на палубу, открывался вид на узкий залив, над которым носились чайки и вздымались белые барашки волн. Выходить на ветер не хотелось.

Вера подошла к лифту, нажала на кнопку, и тут же бесшумно раздвинулись двери. Вера спустилась на один уровень, вышла из лифта и почти сразу увидела барную стойку, за которой на высоких круглых стульях сидели двое муж-

чин. Бармена не было. Мужчины сами разливали по стаканам виски. Один из них обернулся, при виде Веры на лице его отобразилось настоящее изумление. Мужчина встал, толкнул в бок своего товарища, тот тоже слез со стула, удивленно хлопая глазами.

– Приветствую вас, – произнес тот, кто первый заметил Веру. – Прекрасная леди появилась, чтобы составить нам компанию?

– Надеюсь, вы не сочтете нас назойливыми бездельниками, – добавил второй.

Очевидно, эти мужчины были пассажирами – актерами из труппы того самого театра, о котором упоминал Борис Борисович. Оба мужчины показались Вере знакомыми. Один – высокий брюнет лет шестидесяти иногда появлялся на телеэкране в модных телесериалах. Лицо второго также было знакомо, но где она видела этого актера, Вера вспомнить не могла. Он был очень похож на Ивана-царевича из старых еще советских фильмов, которые Вера смотрела в детстве. Только постаревшего.

– Федор Андреевич Волков, народный артист России, – представился первый. – Можете называть меня просто Федор.

– Алексей Дмитриевич Козленков, – назвал себя второй, с интересом рассматривая девушку.

– Меня зовут Вера, – улыбнулась она, присаживаясь рядом с мужчинами.

– Откуда вы, прекрасное дитя? – спросил Федор Андреевич и, не дождавшись ответа, задал еще один вопрос: – Что предпочитаете выпить перед ужином?

И опять не дав Вере ответить, предложил:

– Есть коньяк, ром, ликер...

– Я предпочту минералку, – улыбнулась Вера.

– Ну это несерьезно! – нахмурился «Иван-царевич» Козленков. – А может быть, дама предпочитает виски?

– Но наш виски закончился еще в Осло, – напомнил товарищу народный артист. И показал на бутылку, стоящую на стойке. – А вот коньячок неплохой, напрасно отказываетесь, Вера.

– Это не коньяк, – отметила Вера, глянув на бутылку. – «L'esprit du malt» – это виски, производимый во Франции в департаменте Шампань, но совсем по другой технологии – не такой, как в Ирландии или Шотландии.

– Да? – удивился Волков и посмотрел на бутылку. – А мы думали, что «Гуиллон» – это коньяк, то есть бренди, раз звездочек нет.

– Тьерри Гийон, – поправила Вера. – Этот виски называется «Дух солода». И стоит от двухсот евро за бутылку и выше.

Оба артиста замерли и растерянно переглянулись.

– Попали мы с тобой, Федя, – наконец прошептал Козленков. – Другими словами, влипли. У нас в каюте мини-бар, и нам позволено было опустошить его в разумных пределах,

якобы с нас потом вычтут за лишнее, хотя, как показывает практика, лишнего алкоголя не бывает. А теперь, если узнают, что бар пуст, а у нас за душой ни гроша, наверняка выбросят за борт...

Только теперь Вера поняла, что оба актера пьяны, хотя выглядели они вполне естественно и язык у них не заплетался.

– Остается одно счастье, что на нее не повесят, а только за борт – есть надежда доплыть до берега, – криво улыбнулся Федор Андреевич. – Откуда у вас такие познания в алкогольных напитках, Верочка?

– В школе хорошо училась, – усмехнулась она.

Оба актера переглянулись и, не сговариваясь, изобразили, что бесшумно аплодируют, и одновременно произнесли:

– Bravo!

После чего Волков произнес:

– Так откуда вы, Верочка? Мы видим, что вы – не театральная, и уже, грешные, решили, что вы из Министерства культуры. А вы, как я погляжу, из другого ведомства.

– Из Министерства иностранных дел? – высказал предположение Алексей Козленков. – Кто кроме дипломатов так в импортных напитках разбирается? Ведь так?

– Вроде того, – согласилась Вера.

– Хорошо, что вы не из Министерства культуры, – продолжил Федор Андреевич. – Дело даже не в том, что баба... Простите... Женщина на корабле – дурная примета, просто

у нас есть уже одна женщина...

– Баба, – уточнил его приятель.

Волков кивнул.

– Именно. Она как раз из Министерства культуры. Герберова Элеонора Герберовна.

– Робертовна, – опять поправил Козленков. – Не знаете такую?

– Не слышала даже.

– Значит, вам повезло. Но эта Герберова там большой начальник. То есть начальница. Гибель Эскадры даже перед ней заискивает...

– Кто? – не поняла Вера.

– Худрук нашего театра – Гилберт Янович Скаудер. Мы промеж себя его так называем по созвучию. Гилберт Скаудер – Гибель Эскадры. А вообще была когда-то пьеса Корнейчука с таким названием. Так вот эта, с позволения сказать, баба из министерства отправилась с нами на Ибсеновский фестиваль в Осло. Мы там «Гедду Габлер» представляли. А она выступала перед спектаклем, а потом давала интервью, говорила, что будет оказывать всякое содействие, чтобы следующий год в России стал годом великой норвежской культуры, и тогда народ России наконец примет идеи толерантности и гуманизма...

Волков остановился, посмотрел на Козленкова.

– Так ведь?

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Только при чем здесь «Гедда Габлер»? Тем не менее признаюсь: успех у нас был оглушительный. Хотя в нашей постановке вместо семи ибсеновских персонажей появилось в два раза больше. Потому что мы еще «Три сестры» привезли, а там персонажей четырнадцать, включая няньку Анфису. Надо же было всех задействовать.

– Вас всего четырнадцать человек пассажиров на корабле? – удивилась Вера.

– Не знаю. Гибель Эскадры здесь. И, конечно же, Герберова Элеонора Робертовна – куда она денется? Остальные актеры здесь. Правда, не все. У Кудрявцевой, которая нянька Анфиса, в Норвегии дочка живет. И она решила у нее задержаться, а с нею еще человек пять или даже шесть. Надо будет вечером переключку сделать – уточнить. А у тех, что нас покинули, – у всех случайно оказались заранее оформленные шенгенские визы и билеты обратные заказанные за полгода, чтобы совсем дешево было.

– А еще на корабле Борис Борисович Софьин, – добавил Алексей. – Но он не пассажир, он – хозяин судна, а еще главный спонсор нашего модного в определенных кругах театра. Но он если и общается с кем-то, то с Гибелью Эскадры разве что. В бары не ходит, еду ему подают в каюту. Вы вообще слышали про такого человека?

– Слышала, – ответила Вера. – Это он меня сюда пригласил.

Актеры переглянулись.

– Бары и рестораны тут не работают, – перевел разговор Алексей. – Но что нам вдвоем сидеть? Бесхозная стойка барная есть – вот мы и делаем вид, будто культурно заседаем. На других палубах тоже пустые бары есть. Плохо, конечно, что без напитков, но мы со своим, как в далекие студенческие времена. У нас ведь в каюте мини-бар, и кое-что мы из дома прихватили. Пусто кругом, народу на корабле немного: команду пока еще не набрали полностью. Нет ни барменов, ни официантов, ни стюардов...

Оба мужчины вдруг поднялись и посмотрели на дверь. Вера обернулась и увидела подходящего к ним Бориса Борисовича. Оказавшись возле стойки, тот произнес:

– Здравствуйте, господа...

И поздоровался за руку с каждым из артистов. Потом улыбнулся Вере.

– Верочка, эти двое вас не замучили?

– У нас очень увлекательная беседа, – ответила она.

– Не сомневаюсь. Это достойные люди, – Борис Борисович посмотрел на стойку. – И виски они пьют достойный: восемьсот евро за бутылку.

– Так мы же рассчитаемся, – неуверенно произнес Волков.

– Успокойтесь, – еще шире улыбнулся Борис Борисович. – Считайте, что я вас угостил. А если напиток понравился, то пришлю еще пару бутылок.

– Да нет... – смутился Алексей. – То есть понравился, но присылать ничего не надо. Нет ничего хуже, чем привыкать

к хорошему. Я имею в виду привыкать к роскоши.

– Как знаете... – ответил судовладелец.

И взял под руку Веру.

– Верочка, вы ведь известный финансовый консультант, мне надо с вами посоветоваться...

Глава 4

Вера летела в эконом-классе. Когда в Шереметьево самолет оторвался от земли, сидящая рядом пожилая дама произнесла тихо, обращаясь не к ней, а в спинку впереди стоящего кресла:

– Господи, хоть бы долететь...

– Бойтесь летать? – спросила Вера.

Женщина, даже не обернувшись, покачала головой:

– Не то слово.

Ее трясло от страха, она закрыла глаза и тихо плакала, а потом у нее и вовсе прихватило сердце. Вера подбежала к проводнице, та принялась искать среди пассажиров врача.

Врач нашелся, и как раз кардиолог. Пожилую женщину уложили на сиденье, а Вере из-за отсутствия свободных мест в эконом-классе предложили продолжить полет в бизнес-классе без всякой доплаты.

В бизнес-классе летели всего двое мужчин. Еще молодых и уже известных: один министр экономического развития Дмитрий Захарович Иноземцев и его зам – Борис Борисович Софьин. Они попивали виски, что-то рассказывали друг другу и громко смеялись. Через пару минут после того, как Вера Бережная оказалась их спутницей, к ней подошел Иноземцев и сказал, что она кажется ему знакомой.

– Вы в прошлом году в Майами не отдыхали? – игриво

поинтересовался Иноземцев.

– Нет, – ответила Вера.

– А на Сейшелах?

– Времени не было туда завернуть.

– А кем вы работаете?

– Финансовым консультантом.

– Вы тоже в Давос на финансовый форум? – обрадовался Дмитрий Захарович. – Значит, нам по пути.

Он опустил в кресло рядом.

– Я не в Давос, в Цюрих по делам, – проговорила Вера.

– По каким?

– По служебным.

Иноземцев наклонялся к ней все ближе и ближе, пытался придать своему голосу проникновенное звучание, уверенный в своей неотразимости.

– Может, вам нужна помощь в вашем деле? – говорил он. – У меня большие возможности. Могу поспособствовать и в ваших швейцарских делах.

– Вы сможете вытащить из «Цюрихер Кantonальбанка» средства, заблокированные на счету моего клиента? – усмехнулась Вера.

– Можно обсудить этот вопрос, – вкрадчиво улыбаясь, продолжал приближаться к ней Иноземцев. – За какие преступления заблокирован счет?

– Банк решил, что средства добыты незаконным путем, другими словами, вымогательством и взятками. Вы готовы

позвонить прямо сейчас вице-президенту банка и договориться? Только, боюсь, после этого звонка вас в аэропорту будет встречать толпа журналистов, задающих вопросы о ваших связях с мафией.

Дмитрий Захарович рассмеялся и отодвинулся. Продолжая веселиться, он отодвигался все дальше. И внезапно спросил уже спокойно и серьезно:

– Виски выпьете с нами?

Вера отказалась. Но потом, когда из-за снегопада над Германией пришлось сесть в Мюнхене, она все же выпила с Иноземцевым и его замом немного белого вина. За четыре часа в баре аэропорта переговорили о многом, хотя Вера больше слушала бахвальства молодых чиновников. Узнала, что Дмитрия Захаровича за несколько лет до его внезапного назначения министром всесильный Березовский назвал Дезиком, и это прозвище крепко пристало к нему. Дмитрия Захаровича теперь так называли все, неизвестно нравилось ли Иноземцеву такое прозвище, но он не обижался. И вообще он показался Вере веселым и беззаботным, уверенным в своем будущем и в своих возможностях.

При расставании в аэропорту Цюриха, прощаясь, он спросил:

– Вы серьезно можете решать вопросы со швейцарскими банками, Вера?

– Вообще-то я прилетела договариваться со швейцарской прокуратурой, – ответила тогда она.

И не соврала. Вера действительно летала в тот самый банк, чтобы помочь разблокировать счета маленькой швейцарской фирмы, на которые вдруг упали пятьдесят миллионов долларов. Фирму открыл слишком самоуверенный российский коммерсант, для того чтобы закупить в Швейцарии крупную партию лекарств, убежденный, что сможет оставить свою маржу у швейцарских гномов.

– Вы можете мне пригодиться, – шепнул Дмитрий Захарович. – Я бы стал для вас хорошим клиентом.

Он достал визитку с золотым гербом и золотую авторучку «Монблан майстерштук», записал поверх российского герба номер телефона.

– Мой личный, – сказал Иноземцев. – Даже президент об этом номере ничего не знает, а следовательно, телефон не прослушивается.

Он подал визитку Вере и, воспользовавшись ее секундной расслабленностью, стремительно наклонился и поцеловал Веру в щеку.

– Я верю, что мы скоро увидимся, – шепнул Иноземцев. Больше они не виделись.

Глава 5

Борис Борисович предложил поговорить в его каюте. Вера отказалась и добавила, что и в свою его пригласить тоже не может.

Софьин не обиделся. Как будто ожидал именно этого. Сказал, что просто хотел побеседовать, а потом провести экскурсию по кораблю.

– Начнем с экскурсии, – предложила Вера.

Путешествовали почти час, потому что было что посмотреть. Как оказалось, по заказу Бориса Борисовича на судне оборудовали зал казино, в ресторане построили эстраду для программ варьете. И Софьин сообщил, что ему удалось договориться с гаванским клубом «Тропикана», где работают самые лучшие танцовщицы, чтобы они выступали у него во время круизов по Карибскому морю. Хотя, как выяснилось, особых доходов от продажи туров на заманчивые круизы Софьин не ждет.

– Вы помните, как называется это судно? – спросил он.

– «Карибиен кап», – ответила Вера.

– «Карибский кубок», именно! – обрадовался Софьин. –

У меня получилось то, на что я не мог даже рассчитывать. Конечно, я предполагал, строил планы, но сейчас все получилось. И даже больше!

– Что получилось? – не поняла Вера.

– «Карибский кубок»! Я решил на корабле проводить боксерские поединки. Собрать молодых боксеров-профессионалов стран Карибского бассейна и устроить турнир. Обратился во всемирную боксерскую организацию. Поначалу они скептически оценили предложение. Дескать, такого не может быть, чтобы за пару недель претенденты на победу в финале проводили три боя. Но потом подумали хорошенько: восемь боксеров, после первого круга остается четыре, потом – двое лучших. В первом круге бой в четыре раунда, в полуфинале – шесть, а в финале десять раундов. И спортивные чиновники дали согласие. Я нашел промоутера, который договорился с каналом «НВО», который сейчас транслирует в прямом эфире бокс по всему миру, а потом есть еще и интернет-подписчики... И уже сейчас пошла реклама, и в Латинской Америке возник большой интерес к будущему турниру. Это что-то! Я-то думал, что будут участвовать малоизвестные молодые боксеры, а мне сразу предложили уже раскрученных, не потерпевших ни одного поражения. У кого семь боев за спиной, у кого десять. И ни одного поражения! До турнира остается три месяца. Когда будет подтверждена дата, начнут принимать ставки. Даже здесь, на борту, будет открыта своя букмекерская контора... А еще всемирно известное варьете с лучшими танцовщицами мулатками. И конечно, экипаж судна надо подбирать очень тщательно, весь персонал должен быть вышколен, чтобы девочки-официантки или стюардессы выглядели как на картинках в глянцевых

журналах.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – прервала его Вера.

– А к тому, что на моем судне полторы сотни кают, в основном двухместные. Место во время обычного Карибского круиза на таком корабле стоит около десяти тысяч, есть, разумеется, отдельные предложения. А во время боксерского турнира место будет по пятьдесят тысяч, кроме того, ВИП-каюты значительно дороже. А если учесть, что боксерские турниры пользуются особым вниманием со стороны, не говорю, что арабских шейхов, но просто миллиардеров, для которых заплатить миллиончик-другой...

– Я поняла, – не дала ему договорить Вера. – Прибыль будет немаленькая, а потом еще сборы от трансляций, от интернет-подписчиков, от размещенной в зале рекламы...

– Именно! – воскликнул Софьин. – Как вы все понимаете!

– А зачем вы театр пригласили?

– С чего-то надо начинать. Надо было обжить немного судно. Чего ему пустым ходить? А они как раз в Норвегию собирались. Для меня расходов практически никаких, а им радость и опять же бесплатное удовольствие.

– Зачем же вы тогда выговор этим двум артистам сделали?

– И в мыслях не было! Хотите, я как-нибудь сглажу...

– Да я не в этом смысле, – отмахнулась Вера. – Просто вы взаперти сидите в своей шикарной каюте, а для них за пустой стойкой посидеть с бутылкой, которую они взяли из ми-

ни-бара в каюте, уже праздник. Вас увидели и растерялись.

– Хорошо, я услышал вас, – кивнул Борис Борисович. – Я буду за ужином вместе со всеми. Потом можно еще что-нибудь придумать. В полночь отходим от причала. Знаете, как актеры умеют веселиться: капустники, импровизации, розыгрыши! Я думаю, скучно никому не будет.

Они шли по коридору, вдоль кают, навстречу из-за угла выскочила девушка. Увидев хозяина яхты, она попыталась развернуться и шмыгнуть за угол, но ее уже увидели, и потому девушка просто прижалась к стене, а когда Софьин и его гостя поравнялись с ней, прошептала:

– Добрый день, Борис Борисович, – и бросила любопытный взгляд на Веру.

– Привет, – ответил Софьин, не задерживаясь.

Но потом, уже пройдя мимо, обернулся и сказал:

– Таня, передайте всем, что я буду сегодня ужинать с остальными гостями. Я и Вера... – Он посмотрел на Бережную, ожидая подсказки.

– Вера Николаевна, – улыбнулась девушке Вера.

– Так вот, – продолжил Борис Борисович, – сделайте так, чтобы никому сегодня скучно не было.

– Я поняла, – кивнула девушка.

– Тоже актриса? – спросила Вера, когда они отошли.

Борис Борисович кивнул.

– Двоих я уже видела. Федор Андреевич...

– Волков, – назвал фамилию актера олигарх. – Второй –

Алексей Козленков. Козленков начинал лет тридцать назад. Снимался в фильмах-сказках для детей. Знаете, он был такой тоненький, светловолосый, кудрявый. Типичный Иванушка-дурачок или Иван-царевич, но потом молодые годы прошли, и типаж стал не тот.

– Я его вспомнила, видела фильмы с его участием в детстве.

– А Волков как начинал, не знаю, но сейчас он достаточно востребован. В кино приглашают. Но Федор остается в театре, вероятно, не желая расставаться со своим другом Козленковым и с еще одним приятелем – Борисом Ручьевым, который служит в театре вторым режиссером. А ведь именно Ручьев открыл этот театр... Правда, тогда он был частным театром и назывался «Ручеек». Но дело, как это случается, не выгорело. Прогорел театр. Пошел под государственную крышу, но финансирования все равно должного не получил. А тогда появился я. Помогаю чем могу. А Волков, Ручьев и Козленков дружат с давних пор, хотя и ссорятся постоянно. Однажды Козленков едва не зарезал Волкова. Вовремя удержали. А обиделся из-за ерунды – из-за эпитаграммы. Волков ведь этим балуется и достаточно зло сочиняет на каждого...

– Что же такого можно сочинить в стихах, чтобы человек готов был убить автора? – удивилась Вера.

– Да ничего особенного. Хотите, прочитаю? – предложил Софьин.

– Если вас не затруднит.

– Тогда слушайте, – усмехнулся Борис Борисович:

Козленков как-то раз пошел к Ручью напиться,
Нажрался и пошел домой пешком,
а там на час езды.

Устал... Решил в подъезде помочиться,
Где Волков жил, и получил... внушенье.
Всем объявляю Соломоново решение:
Пусть знает всяк, кто хочет хватануть
чужого виски,
От Волкова получит и по жопе, и по письке...

– Ну да, действительно зло, – нахмурилась Вера. –
И неужели он ко всем так относится? Вот что, например,
можно написать про эту девушку, которую мы только что
встретили? Она такая тихая и скромная.

– Не знаете, что можно про Таню написать? Тогда поз-
вольте прочитать эпиграмму и на нее.

Хорошавина Татьяна
Спит в сапожках из сафьяна,
Чтоб не стибрили враги:
Так сапожки дороги.

Ну а раньше у нее
Театральное жулье
Скоммуниздило белье...

Одеяло убежало,
Улетела простыня
И подушка как лягушка
Ускакала от нея.

И счастливая такая
В сапогах, хотя нагая,
Таня спит без памяти.
Ангелочек, мать ети.

Софьин выпалил все это на одном дыхании и посмотрел на собеседницу.

– Как вам такие вирши?

– Ужасно! Зачем он так?

– Характер такой, – пожал плечами Борис Борисович. – Волков – талантливый человек. Всех уверяет, что он потомок основателя первого русского театра – актера Федора Григорьевича Волкова. Многие, как говорится, верят. Но я решил навести справки. Подтверждений этому не нашел. Его отец, Андрей Иванович, был актером какого-то провинциального театра и умер – точнее, замерз. Возвращался домой зимней ночью, прихватило сердце, упал и замерз. Вероятно, пьяным был. Наш Федя Волков тогда еще в школе учился. Большую часть своей жизни он шел по стопам родителя. Но потом его пригласили в кино, и пошло-поехало. Но это уже сравнительно недавно было. Но живет он по сравнению с другими

собратьями по театру относительно неплохо в финансовом смысле.

– А вы его на сцене видели? – спросила Вера.

– Естественно. Я был на их спектакле в Осло. Честно признаюсь, понравилась постановка. Но там весь зал с ума сходил. Не удивлюсь, что в скором времени отправится театр «Тетрис» по европейским городам и весям с гастрольями. Удивят своей постановкой «Гедды Габлер» весь мир.

– Я, к стыду своему, не знаю спектакля, о котором вы говорите, – призналась Вера.

– Разве? – удивился Софьин. – Это пьеса Ибсена о молодой девушке, которая всех ненавидит. Не то что ненавидит, но ей противно всякое прикосновение мужа, она ненавидит окружающих женщин, она хочет быть другой – женщиной, которая ни в чем не уступает мужчинам. Она хочет быть такой же, как и ее умерший отец-генерал. Потом она кончает жизнь самоубийством, узнав, что беременна.

– Ужасная пьеса!

– Великая. Но от нее все устали давно. Феминизм уже не такая острая тема, как сто с лишним лет назад... Но Гилберт Янович так поставил спектакль, что скоро будут его самого приглашать во все крупнейшие театры мира, чтобы он и для них поставил нечто подобное. Представьте такую сцену, которую он придумал и которой у Ибсена вроде как нет, да и быть не могло... Ночь. На столе подсвечник с догорающей свечой. Гедда лежит в постели с мужем. Он прикасается к

ней – она его отталкивает, но муж настаивает и делает свое дело чуть ли не силой. В комнате темно, Гедда с отвращением отдается и смотрит перед собой... И вдруг в темноте неожиданно вспыхивает на пару секунд круг света, а в нем обнаженный молодой мужчина. Гедда начинает искать его в темноте глазами, и то тут, то там вспыхивает на секунду круг света: и там и сям появляется голый мужчина, потом другой... И вдруг Гедда начинает испытывать... И кричит...

– То есть появляются актеры? Абсолютно голые? – не поверила Вера.

– Абсолютно. Скаудер ввел в спектакль еще одного персонажа, которого нет у Ибсена, – генерала Габлера. Он потом тоже появляется из темноты...

– Голый?

– Не совсем. Волков, а он играет роль генерала, наотрез отказался раздеваться полностью. Генерал Габлер появляется в солдатских кальсонах и с саблей на боку. И Гедда понимает сразу, кого она хочет на самом деле.

– Странная постановка. Я бы старалась не смотреть на сцену, раз там голые мужчины.

– А на кого еще смотреть? – усмехнулся Борис Борисович. – Там, кстати, еще и голые девушки появляются, как видения героини, но она к ним испытывает отвращение... Однако в зале овации были такие, что... Представьте норвежцев, этих суровых потомков викингов, так они завалили всю сцену цветами. Короче говоря, Скаудер – большой талант.

– Я слышала, что они еще и другой спектакль возили.

– Ну да. «Три сестры». Но и там Гилберт Янович превзошел в своих фантазиях Чехова. Кстати, «Три сестры» – это программная постановка Скаудера. Он же был приглашен в театр «Ручеек» для постановки именно этой пьесы, после чего на него обратили внимание и предложили возглавить распадающийся коллектив. Так он стал художественным руководителем. И назвал теперь уже свой театр – «Тетрис». Что на самом деле не что иное, как аббревиатура «Театр Три Сестры». Они даже перед театром поставили бронзовое изваяние трех сестер-муз: муза трагедии Мельпомена, муза комедии Талия и муза танцев Терпсихора. Я профинансировал и создание памятника, и установку. Правда, потом памятник перенесли в фойе театра, потому что местные жители стали жаловаться, дескать, дети это видят. Изображены музы не то что без одежды, но и в не очень приличных позах. Теперь эти бронзовые музы стоят при входе, и у зрителей сложилось поверье, что необходимо потереть их, и тогда сбудутся все желанья.

– А потому, как я предполагаю, некоторые места скульптур, которые живым людям не следует выставлять напоказ, блестят ярче, чем все остальные, – предположила с усмешкой Вера.

– Именно так. То есть зритель сам выбирает, что ему нравится более всего, – заключил Борис Борисович, засмеялся и продолжил: – Правда, теперь театру предстоит в суде оправ-

дываться. На театр, а заодно на автора этого замечательного памятника подали в суд сразу три девушки, якобы опознавшие в музах себя: одна – телеведущая, увлекающаяся политикой, другая – тоже что-то ведет, а заодно поет под фанеру, а третья – бывшая балерина с не очень хорошей репутацией. Об этом в самом конце театрального сезона сообщили все СМИ, а потому в театре каждый вечер был полный аншлаг, перекупщики продавали билеты по сумасшедшей цене, а изваянья засияли сильнее, чем прежде.

– Это все Гибель Эскадры придумал?

– О-о! Вы даже и это знаете! – удивился олигарх. – Прозвище, между прочим, все тот же Волков ему прикрепил. Ну, да Гилберт Янович почти что сам выдумал этот маркетинговый ход. Один умный человек, не будем показывать пальцами, подсказал, конечно. Но суд по защите чести и достоинства трех раскрученных зомбоящиком муз только через четыре месяца, а за это время сумма предъявленного иска будет отбита несколько раз, да и в то, что суд присудит этим дамам какую-нибудь компенсацию, я не верю. В очередной раз они, мягко говоря, опростоволосятся.

Они шли по коридору вдоль кают. Возле одной из дверей Борис Борисович остановился и предложил:

– Хотите, познакомлю с театральным гением?

– Неудобно как-то, – замялась Вера.

– Неудобно будет, когда через год он станет мировой звездой и забудет, кто ему помог на небосклон вскарабкаться.

К нему надо будет для встречи за год вперед записываться. А пока... – Софьин постучал в дверь и громко произнес: – Гилберт Янович, ты один?

И, не дожидаясь ответа, вошел.

Каюта была точно такая же, как и у Веры, только обои на стене с другим рисунком – с пиратами.

Гибель Эскадры был не один. Рядом с ним за столом сидел длинноволосый молодой человек с грустным лицом. Когда они увидели входящих, поднялись.

Молодой человек оказался высокого роста, хотя это могло показаться, когда он стоял рядом с режиссером, который если и был выше Веры, то ненамного.

– Стас, вы можете идти, – отпустил Скаудер своего визави.

– С вашего позволения, Борис Борисович, – произнес молодой человек, чуть склонив голову, словно раскланивался на сцене после окончания спектакля.

– Иди уж, – махнул в нетерпении Софьин.

Молодой человек еще не успел закрыть за собой дверь, как Борис Борисович почти удивленно произнес:

– Какой он у тебя воспитанный!

А когда дверь осторожно затворилась, спросил:

– Холмский опять к тебе заходил, чтобы настучать на кого-то?

– Почему опять и почему обязательно настучать? – интеллигентно и мягко возмутился Гибель Эскадры. – Он пришел, чтобы обсудить сегодняшнюю...

Но Софьин не слушал, он обернулся к Вере и хохотнул:

– Эпиграмму на Станислава Холмского я, кажется, еще не рассказывал вам.

Вера покачала головой, а Гилберт Янович отвернулся и возмущенно вздохнул, не рискуя возразить спонсору. И вдруг словно очнулся, посмотрел на Веру, всплеснул руками:

– А что вы стоите? Присаживайтесь, пожалуйста. Борис Борисович и так тут как дома. Хочет сидит, а хочет стоя, дурацкие эпиграммы вспоминает.

Гостья опустила за стол, потом в кресле развалился Софьин, а затем только на свое место вернулся Скаудер, очевидно, рассчитывая, что олигарх не будет читать эпиграмму. Но просчитался.

– Опять же плод творчества нашего уважаемого народного артиста Волкова, – продолжил тему Борис Борисович и продекламировал:

С помощью небес наш Холмский
Принят был в театр Омский.
Там он стал для всех примером,
Только предал небеса,
Совершая грех содомский
С мэром-коррупционером
По фамилии Ковбаса.

Борис Борисович закончил, посмотрел на побледневшего

сердитого Скаудера и усмехнулся.

– Начнем с того, что это чистая ложь, – начал Гибель Эскадры. – То есть я неправильно выразился, чистой бывает только правда, а это грязные инсинуации старого гомофоба. Начнем с того, что Стасик никогда не служил в Омском театре, потом...

– Так и Ковбаса никогда не был мэром, он был вице-губернатором, и не в Омске, разумеется, а совсем в другом регионе, – перебил Софьин. – Но часики-то были...

– Я все объясню!

– Не надо ничего объяснять. – Софьин обратил свой взгляд на Веру. – Холмский, служа в своем первом театре, вдруг стал появляться на репетициях в золотых часах и на вопросы коллег отвечал, что это ему поклонники подарили. Потом в доме вице-губернатора был произведен обыск, во время которого, помимо крупных сумм денег, в национальной и иностранных валютах, помимо коллекции картин и костюмов модных брендов, была обнаружена свалка дорогих часов. Документы и товарные чеки на часы имелись, хронометры были приняты по описи, но одних часов, а именно золотого «Ролекса» стоимостью тридцать семь тысяч евро, не хватало. Вице-губернатор Ковбаса объяснил, что подарил «Ролекс» молодому артисту местного театра Станиславу Холмскому в знак восхищения его талантом. Так что Стасику пришлось вернуть часики в казну, а самому уволиться и отправиться искать счастье в столицу, где он познакомился

с известным режиссером...

– Все было не так! – воскликнул Скаудер. – Я же сказал, что это все грязные...

– Проехали, – не дал ему договорить Борис Борисович. – Ты не сказал, на кого Стасик тебе в очередной раз стучать приходил.

– Я ответил: мы обсуждали программу сегодняшнего мероприятия. Мы всей труппой решили поужинать в семь, закончить быстренько, переодеться, подгримироваться, потом последний прогон и где-нибудь к половине девятого можете прийти вы вместе со своей прекрасной спутницей...

– Спасибо, что разрешил нам поужинать сегодня, – усмехнулся Софьин. – И запомни на будущее: ты видишь перед собой не только мою прекрасную спутницу, но и известного финансового консультанта и экономиста Веру Николаевну Бережную. Она мой старый друг.

– Какая же она старая? – расцвел в улыбке Скаудер. – Вера Николаевна – молода и прекрасна. Я грешным делом даже подумал... Впрочем, это не важно, что мне пришло на ум. Хотя, честно признаюсь, я даже подумал, а не предложить ли ей роль в моей новой постановке.

– Я бы отказалась, – покачала головой Вера. – Не люблю раздеваться на публике.

– Жаль, – вздохнул Гибель Эскадры. – От великой славы отказываетесь.

Он театрально развел руками, сделал грустное лицо,

вздыхнул и тут же, вскинув голову, заразительно рассмеялся.

– Это была шутка, господа. Неужели бы я мог позволить себе предложить такой изысканной даме нечто, порочащее ее?

– Действительно смешно, – согласился Софьин без всякой улыбки. – Кстати, почему у тебя Танечка Хорошавина такая грустная ходит?

– А я-то тут при чем? – вскинул брови и плечи Гилберт Янович. – Она должна быть счастливой. Я недавно всей труппе объявил, что в будущем сезоне у нас две премьеры: «Зори» Верхарна и «Двенадцатая ночь» Шекспира.

– «Зори» – это про что? – спросила Вера.

– Про нашу жизнь, про недовольство народных масс существующим положением, о том, как народ свергает тиранию, – охотно объяснил молодой режиссер. – Но я раскрою тему по-новому. Не про парижскую коммуну, а про то, что происходит за окном: толпы мигрантов, толпы протестующих подростков и офисных хомячков... Будут звучать стихи и рушиться Останкинская башня.

– С башней ты поосторожней! – погрозил пальцем Борис Борисович.

– Башня – это образ, – поморщился Гибель Эскадры. – Собирает образ всей пропаганды, которая одурманивает массы.

– И с мигрантами поосторожней. На сцену их выводить опасно.

– Да я и не собираюсь! Вон сколько студентов в театраль-ных вузах. Только кликну, они что угодно изобразят на сце-не – хоть предновогоднюю ночь на площади у железнодорож-ного вокзала в Кёльне. А Танечка у меня будет в «Двенадца-той ночи» Виолу играть. По идее она должна играть и свое-го брата-близнеца, но в моей постановке ее брата-близнеца будет изображать Стасик Холмский.

– Они разве похожи? – удивилась Вера.

– А это не важно. У меня вообще Танечка будет играть не Виолу, а Себастьяна, а Стасик, наоборот, Виолу. И все жен-ские роли будут исполнять мужчины, а мужские – женщины. Волкову достанется роль Марии – фрейлины Оливии, а Куд-рявцевой достанется Мальволио. Хотя...

Он замолчал и задумался.

– Разве можно так обращаться с известной всем пьесой? – удивилась Вера.

– Какой пьесой? – удивился Гибель Эскадры. – Кто ее зна-ет хорошо? Никто и не помнит даже настоящее название! А Шекспир назвал свое великое произведение «Двенадцатая ночь, или Что угодно». Вот мы что угодно с ним и сделаем. Пусть только попробует кто бросить в меня камень! Но не это меня волнует сейчас...

Он вздохнул и посмотрел в окно, ветер гнал по небу серые вечеряющие облака и трепал суетливых чаек.

– Я думаю, что мне делать сейчас с Кудрявцевой? И со всей этой шайкой-лейкой.

Он вздохнул еще раз, словно решаясь на что-то неприятное, но неотвратимое. После чего продолжил, как бы размышляя с самим собой:

– Дело в том... – Скаудер замолчал и вдруг встрепенулся. – В советские времена существовала такая шутка: знаете, что такое Малый театр? Это Большой после зарубежных гастролей.

– Ну! – нахмурился Софьин.

– А что «ну»? У нас случилось нечто подобное? Из гастролей мы возвращаемся в неполном составе. Именно Кудрявцева уговорила некоторых участников остаться в свободном мире, где у нее проживает дочь. Когда они вернутся, мне доподлинно неизвестно. А ведь скоро начнется подготовка к новому сезону, подготовка к новым премьерам, о которых я упомянул в нашем разговоре. Предположим, невозвращенцы вернутся. А чем они занимались там, то есть здесь, где мы пока находимся? А я вам отвечу! Кудрявцева договорилась со своей дочерью, а та договорилась с русской диаспорой в Норвегии о том, что труппа российских артистов даст несколько спектаклей. Спектаклей будет ровно тридцать – в Осло и в Тронхейме. Местные театры предложили подлым отщепенцам свои площадки, билеты все проданы. А что покажет Кудрявцева и компания? «Три сестры»? Или мою Гедду? Ведь, как всем известно, декорации к этим двум спектаклем прибыли в Норвегию отдельно – в грузовой фуре. Прибыли вместе с двумя рабочими сцены, которые теперь тоже

участвуют в створе и будут таскать мои декорации туда-сюда без моего ведома и согласия. Мне известно, что за каждый спектакль каждый отщепенец планирует получить по триста евро, остальное захапает Кудрявцева со своей дочерью, разумеется. И что же в итоге? Каждый отщепенец отхватит по девять тысяч евро за месяц, а я, отец всего... Я, творец всего светлого и радужного, останусь гол как сокол...

– Насчет всего радужного это ты в самую точку попал, – согласился Софьин.

– Ну ведь правда, – грустно вздохнул Гилберт Янович. – Ведь постановка, которую украла Кудрявцева, это моя интеллектуальная собственность!

Он посмотрел почему-то на Веру.

– Ваша, – согласилась Вера. – Это я вам как человек с юридическим образованием могу подтвердить. Но вы же не будете из-за этого разгонять труппу?

– А что я должен делать? Терпеть плевки, унижения? Так, по-вашему? Простите. А потом, я погоню из труппы поганой метлой не всех, а только предателей, сепаратистов, в худшем значении этого слова. Я бы и Волкова выгнал: Боря Ручьев возьмет его роли. А что? Борис Адамыч – прекрасный актер, только никто об этом не знает. А Волкова надо гнать, потому что он разлагающе действует на коллектив. Он меня зарезал, ведь не сомневаюсь, что это именно он подбил Кудрявцеву на преступление. Вы вообще знаете, что Волков с Кудрявцевой сокурсники и сорок лет назад между ними был роман,

который, к счастью для обоих, а для меня в первую очередь, ни во что не вылился? А то представляете, как бы сплотилась эта банда, будь она скреплена брачными узами! Но Волков сегодня зарезал меня, а завтра я его. Уж будьте уверены!

Борис Борисович вдруг резко поднялся.

– Мы с Верой Николаевной пойдем. А ты постарайся не резать театр. Очень тебя прошу. Мне кажется, что в последнее время ты только этим и занимаешься. Я давно хочу поговорить с тобой на эту тему. Но пока не буду, вот вернемся и встретимся обязательно, побеседуем. Ты понял?

– Конечно, поговорим, только я не знаю...

– А ты узнай!

Софьин проводил Веру до ее каюты и, расставаясь, сказал, что неплохо бы ей познакомиться еще и с капитаном, но тот, вероятнее всего, сейчас отдыхает, чтобы быть бодрым в момент отчаливания. Ведь когда судно будет входить в родную гавань, он должен быть на высоте. В этот раз Борис Борисович в гости не набивался, но при расставании, пытаясь казаться воспитанным и учтивым, руку Вере все-таки поцеловал.

Закрыв за ним дверь, Вера задумалась. Она всегда знала, что в театре бурлят страсти, но на сцене, а чтобы вот так... Страсти нешуточные, если судить по состоянию художественного руководителя.

Она взяла телефон и позвонила Окуневу, своему помощ-

нику и техническому гению.

– Как дела, Егорыч?

– Нормально. С утра вирус по Сети бегают, но это конкретная атака на конкретный объект. Целый день не фурычат банкоматы одного отечественного кредитно-финансового учреждения: не только в нашем городе, но и по всей стране. Я бы им все поправил, но, насколько помню, от договора с нами они в свое время отказались, так что пусть теперь мучаются, хотя там делов-то на полчаса мне было бы. Обидно только, что из-за глупых начальников страдают простые люди. Такие проценты по кредитам навязывают, а потом... А вы, как я вижу на мониторе своего компа, находитесь в городе Стокгольме, на точке с названием... А, это паромный причал, а называется он «Морская калитка». Или, может быть, «Морские ворота». У меня не очень хороший автоматический переводчик со шведского. Что вы там на причале делаете, Вера Николаевна?

– Я на борту круизного судна «Карибиен кап», через шесть часов отправляюсь домой. Буду на месте послезавтра утром.

– Сейчас проверю. – Егорыч на некоторое время замолчал, а потом возвестил: – А у меня в базе нет такого судна, вы ничего не путаете?

– Все нормально, корабль настоящий. У меня просьба к тебе: узнай как можно больше о Борисе Борисовиче Софьи-не. Какой у него бизнес, доходы, кредиты, долги...

– Быстро не получится. Придется порыться, но я помню такого чиновника. Был замом в каком-то министерстве. Через полчаса постараюсь сбросить информацию. Кстати, он тоже в Стокгольме. Может, конечно, уже уехал, просто я к тому, что господин Софьин через фирму «Карс-сканнер» на два дня брал в аренду автомобиль «Бентли-Мульсан» с водителем. Вот пока что я на него нарыл.

До ужина и обещанной развлекательной программы оставалось почти полтора часа.

Глава 6

Вера успела сделать прическу и переодеться. За пять минут до ужина Борис Борисович Софьин постучал в ее дверь. Увидев ее на пороге, восхитился.

– Вы, Вера Николаевна, совершили невозможное! Стали еще прекрасней.

Взгляд его остановился на новом кулоне.

– Ах, как переливается этот камень! При электрическом свете он почти синий, васильковый даже – как самые дорогие сапфиры. Кстати, я сейчас потратил время и поползал по Интернету. Не хочу вас расстраивать, но цены на танзанит в последнее время упали, хотя запасы в единственном месторождении этого камня на горе Килиманджаро практически истощены. Сейчас карат танзанита в мелких изделиях стоит сто долларов, хотя такой, как ваш, – исключительный по цвету и размерам может стоить значительно дороже. Но такие продаются только на аукционах, а там какой-нибудь любитель может дать за него и сто тысяч. Но сами понимаете, как можно верить Интернету.

– Я не собираюсь продавать кулон, – ответила Вера.

Несколько минут назад Егорыч прислал ей сообщение, из текста которого следовало, что Софьин является совладельцем нескольких крупных предприятий, в которых контрольный пакет акций принадлежит его бывшему начальни-

ку Дмитрию Захаровичу Иноземцеву. Собственные фирмы у Бориса Борисовича тоже имеются, но они не такие крупные и особого дохода не приносят. Но именно эти мелкие предприятия взяли несколько кредитов, которые, судя по оборотам и прибыли, выплатить вряд ли смогут. Основной доход Софьину приносят спекулятивные операции по перепродаже объектов, заложенных банкам или продаваемых разорившимися фирмами. Но он еще и меценат: несколько лет назад приобрел почти достроенное здание кинотеатра – за гроши, разумеется, изменил планировку, надстроил еще один этаж и открыл там театр. Вернее, театр открылся сам, получив от Бориса Борисовича в аренду прекрасное здание. Софьин хотя и получает арендную плату, но ежегодно подпитывает театр «Тетрис» финансами.

Личное состояние олигарха, по сообщению Егорыча, около пятидесяти миллионов долларов, ему принадлежат квартира в Москве, загородный дом в Подмосковье, дом во Флориде, дом возле Дубровника в Хорватии и квартира в Париже. Был женат. Но после развода не поддерживает отношений ни с бывшей женой, ни с дочерью. Обе живут в Париже на бульваре Распай в той самой принадлежащей Софьину квартире.

Они спустились в ресторанный зал с эстрадой, выстроенной для варьете «Тропикана». Звучала негромкая латиноамериканская музыка, и единственная пара танцевала что-то наподобие румбы. Однако, когда молодые артисты увидели

входящих, тут же перестали танцевать.

– Напрасно, – обратился к ним Софьин. – У вас неплохо получается.

Он покрутил головой в поисках места, куда можно при-
ткнуться. Но тут же подошла девушка в переднике официантки, повела их за отдельный стол, который был уже сервирован. В зале было еще несколько человек, наверняка артисты, Вера заметила, что выглядят они растерянными и встревоженными. Все, включая ту самую пару, которая тем не менее танцевала под веселую кубинскую музыку.

К Софьину подскочил Скаудер, он извинился за то, что все так невпопад получается.

– А что случилось? – спросил Борис Борисович.

– Ничего особенного, просто накладочка небольшая.

– А почему у всех такие постные рожи?

Скаудер подошел почти вплотную, как будто пытался собой закрыть все пространство зала.

– Уверяю вас, обычный творческий процесс, – нарочито бодро проговорил он.

Борис Борисович отстранил его и махнул рукой, подзывая молодого артиста.

– Холмский! Стасик, ты здесь самый информированный. Подойди-ка быстро и честно расскажи, что случилось.

Молодой человек подскочил, красиво уложенные и закрепленные лаком волосы подпрыгивали на его плечах и на спине.

– Ну! – потребовал олигарх.

– Я прямо не знаю... – начал Холмский и обернулся на Скаудера.

– А криво ты знаешь? – нахмурился Софьин. – Все равно все прояснится, только ты в моем представлении останешься вруном.

– Если честно, то обычное дело. Волков с Козленковым опять поссорились, чуть не подрались. Потом Федор Андреевич ушел. А Алексей Дмитриевич схватил нож и ринулся за ним, обещая догнать и убить.

– Какой еще нож? – не понял Софьин.

– Охотничий, – объяснил Холмский. – Он этот нож в Осло купил. Прямо при мне. Я еще спросил, зачем вы ножик-то покупаете, ведь он такой страшный. А он ответил, что в хозяйстве и пулемет пригодится. Вот.

– Они оба пьяные?

– Даже очень. Давно такого не бывало. Чуть не падали оба. А когда их стыдить начали, они – в крик. Сначала на нас орали, а потом друг на друга, слово за слово, принялись выяснять, кто из них гениальнее. Потом Волкова мы выставили, а Козленков сам ушел. Но с ножом. Гилберт Янович переживает за представление.

– А без них вы никак? – хмуро спросил Борис Борисович. – То есть без них у вас ничего не получится?

– Ну как же? Все у нас получится! – потрянул головой Холмский. – Даже еще лучше.

– Мы начнем сейчас без них, – вмешался Гибель Эскадры. – Потом примем административное решение, что с ними делать, раз они весь творческий коллектив подставили. А пока Танечка вам сейчас еду и закуски принесет. И шампанское, что вы велели.

Тут же появилась Таня Хорошавина с подносом.

Вера оглядела зал: помимо уже знакомых ей Холмского, Скаудера и Тани, теперь подающей закуски, здесь присутствовали еще одна молодая актриса – та самая, что танцевала румбу, ее партнер по танцу, парочка молодых изящных парней и один крепкий парень, мало похожий на артиста. Кроме того, за одним из столиков сидел немолодой мужчина с печальным лицом. Вероятно, это был Борис Адамович Ручьев – приятель Волкова и Козленкова, бывший режиссер театра «Ручеек». Очевидно, ссора друзей сильно огорчила его.

Холмский поднес ведро со льдом, из которого торчали два горлышка шампанского.

– А почему так мало? – удивился Софьин. – Разве артисты не заслужили по бокальчику.

– Так мы вовсе не пьем, ни капельки, – объяснил молодой человек и обернулся в сторону Гилберта Яновича. – Не знаю только, что это на Федора Андреевича с Козленковым нашло!

– Но мы с ними разберемся, – заверил спонсора Гибель Эскадры.

И тут же решил самолично откупорить одну из бутылок,

взял ее в руки.

В этот самый момент в зал с воплем ворвался Козленков. Пиджака на нем не было, распахнутая белая рубашка в каких-то пятнах сбоку вылезла из-под ремня.

Он рухнул на колени и закричал:

– Хватайте меня! Вяжите! Казните за преступление!
Я убил его!

И швырнул на пол большой охотничий нож. Нож пока- тился и остановился около стола, едва не ударившись в ноги Скаудера. В огромном зале повисло молчание.

– Кого ты убил? – тихо спросил Гилберт Янович.

– Друга своего лучшего! Федьку Волкова я зарезал!

– Ах! – вскрикнула Танечка Хорошавина и выронила на пол пустой поднос.

Холмский на всякий случай отскочил подальше.

А Козленков снова закричал:

– Вяжите меня! Хватайте! Нет мне прощения! – Он со- гнулся пополам и ударил лбом об пол. – Нет прощения мне! Ни перед людьми, ни перед богом! Я же дружбу свою соб- ственной рукой... Ножом прямо в сердце!

Первым пришел в себя Борис Адамович Ручьев, он бро- сился к распластавшемуся на полу Козленкову.

– Леша, что ты говоришь такое?! За что ты его?

– А чего он меня бездарем называет! – всхлипнул Козлен- ков. – А еще Иванушкой-дурачком на пенсии обозвал. Ты бы стал такое терпеть?

Козленков, опираясь на руку Бориса Адамовича, выпрямился и повторил:

– Ты бы вынес такое? А ведь он и про тебя сочинял! Забыл, как он тебя унизил? Такое тоже не прощается! – И он начал декламировать:

Журчит в канаве придорожный...
Я думал, там ручей бежит,
А глянул сам: нет, невозможно –
Борис Адамыч там лежит.

Прочитав эпиграмму с выражением, Козленков, казалось, успокоился. Он выдохнул и произнес негромко:

– Ну ладно, жизнь моя кончилась. Но ведь я за всех за вас, ребята, отомстил! За вас, невинные вы мои братья и сестры! Я даже за уважаемого Гилберта Яновича отомстил! Этот гад, мой лучший друг, покойный ныне, ведь и на него пасквиль состряпал. Ведь помните, как вы все хохотали в своих гримерках!

Эскадра дала теперь деру,
На запад уходит во тьму.
Но я все равно Скаудеру
Торпеду пуцу под корму.

На западе геи застонут,
И Стасик в гримерке всплакнет...
Жаль, наши какашки не тонут,

И Гилберт как прежде всплывет.

– Он с ума сошел! – прошептал Гилберт Янович. – Может, пока не вышли в море, вызвать полицию местную или местную психушку?

– Тихо! – закричал Козленков. – Неплохо я ведь сказал про покойного друга?

Мой лучший друг покойный ныне,
Лежит теперь на дне и в тине...

Он расхохотался:

– А! Все слышали, как я умею? Не то что ваш обожаемый Волков! Вот кто здесь настоящий поэт! Это вам не торпеды пускать в Гибеля Эскадры! Это посильнее «Фауста» Гёте будет!

Вера молчала, сидела пораженная. Поначалу она решила, что это розыгрыш, но, посмотрев на лица актеров, поняла: все это всерьез. Все словно боялись шевельнуться. Борис Борисович и вовсе был бледен, как полотно, и пребывал в глубоком шоке. Вера поднялась и подошла к Борису Адамовичу Ручьеву, который, опустившись на колени, прижимал к себе голову притихшего на мгновенье Козленкова, словно изображая сцену с картины Репина, на которой Иван Грозный убил своего сына. Подошла, наклонилась, посмотрела в лицо актера, сознавшегося в убийстве друга. Он застенчиво улыбнулся.

– Какой сегодня день недели? – спросила Вера.

– Восемнадцатое, – уверенно проговорил Козленков.

– А как вас зовут?

– Заслуженный артист России Иван-царевич.

– Где вы убили Волкова?

– Я его зарезал, – уточнил Козленков. – Зарезал, потом вытащил через задний проход и сбросил в воду.

– Он сошел с ума, – прошептал Скаудер. – Вы слышали, что он сказал?

– В заднем проходе, – радостно улыбнулся убийца.

– Он имеет в виду коридор, ведущий к выходу, на корме, – объяснила Вера.

Все стояли молча и никто не шелохнулся.

– Пойдемте со мной кто-нибудь, – попросила Вера. – Проверим показания.

И опять никто не тронулся с места.

– Надо капитана вызвать, – предложил крепкий молодой актер, имени которого Вера еще не знала.

– Я сам пойду, – поднялся из-за стола Софьин.

И тут же вызвались пойти и Гилберт Янович, и тот самый молодой актер, и Татьяна Хорошавина.

– Вы-то останьтесь, – сказала ей Вера. – Помогите Ручьеву и остальным отвести Алексея Дмитриевича в каюту. Я думаю, что он чутко отреагирует на вашу ласку.

Глава 7

Место, где произошло убийство, нашли сразу. Низ стены над самым полом был забрызган красными пятнами, увидев которые Холмский отшатнулся, схватился за горло, а потом прошептал:

– Господа, мне плохо!

Гилберт Янович тоже остановился, его лицо побледнело.

Вера осмотрела пятна и показала оставшемуся рядом с ней Софью на пол.

– Явные следы волочения. Такое ощущение, что, когда пострадавший упал, его потащили к выходу на открытую палубу.

Она пошла по кровавому следу, открыла дверь и вышла на воздух. Следы продолжались и там и закончились лишь у самого борта.

– Похоже, Козленок не врет, – признал Борис Борисович. – Допился до белочки, зарезал друга, а потом сбросил тело в воду. Вызывать полицию, водолазов мне не с руки. Если мои боксерские федерации узнают, что произошло на «Карибиен кап», то организация соревнований будет сорвана сейчас и вряд ли состоится вообще когда-либо. А туристы! Разве они будут покупать на мое судно туры, зная, что здесь произошло убийство! Конкурентов – море. Вот конкуренты обрадуются!

Он вздохнул и посмотрел на Веру.

– Я восхищаюсь вашей выдержкой, Верочка. Такая выдержка для финансового консультанта – это что-то необыкновенное. Любая женщина, увидев столько крови, давно потеряла бы сознание!

– Я и не такое видала, – спокойно ответила Вера. – А потому послушайте мой совет. Вызывать полицию, водолазов или психушку – ваше право. Хотя мне кажется, это должен сделать капитан. Предупредите его, но попросите не торопиться пока вызывать кого-либо. Сейчас мы сами должны разобраться. Найти по возможности тело...

– Я не думаю, что кто-нибудь отважится нырять. Хотя... – Борис Борисович задумался. – Может, кого-нибудь из членов команды попросить? Я заплачу сколько надо.

Они вернулись в коридор и увидели, что Гилберт Янович успокаивает плачущего Холмского. Теперь они стояли уже значительно дальше от места преступления, чем пару минут назад.

Вера еще раз осмотрела стены и пол.

– Что-то и мне нехорошо, – отвернулся в сторону Борис Борисович.

– Не смотрите, – посоветовала Вера и продолжила, уже ни к кому не обращаясь: – По характеру пятен можно предположить, что ударов ножом было несколько. Кровь стекала неровно, хотя по составу однородная. Проникающих должно быть столько, что тело несчастного Федора Андреевича на-

верняка истыкано, однако артерии не задеты. . .

Она наклонилась, потеряла пальцем одно из пятен и поднесла к лицу, принялась.

– Я думаю, что нам надо вернуться в зал, поговорить с трупой, а потом принять решение. То есть его примете вы, Борис Борисович, вместе с капитаном.

– Как скажете, – согласился Софьин.

И его тут же поддержал Скаудер:

– Надо все обдумать и принять взвешенное решение. А мы его, Борис Борисович, поддержим. Мы всегда на вашей стороне.

– Ты чего несешь? – не выдержал олигарх.

Но Гибель Эскадры уже спешно удалялся, обхватив за талию Холмского.

В зале были все те же лица. Отсутствовал только Борис Адамович Ручьев, который, судя по всему, остался в каюте Козленкова, чтобы успокоить друга. Вера вернулась в свое кресло, которое совсем недавно покинула. Борис Борисович хотел последовать за ней, но в последний момент передумал.

Вера обвела взглядом зал и произнесла:

– Я – Вера Николаевна Бережная. В своем кругу считаюсь специалистом высокой квалификации. Я хочу попытаться выяснить, что произошло. Кое с кем здесь я знакома, а потому тех, кого не знаю, прошу подойти к моему столу и назвать себя.

Актеры переглянулись недоуменно. И один из молодых

людей – тот самый, который первым предложил позвать капитана, – спросил:

– А нас в чем-то подозревают?

– Представьтесь, пожалуйста.

Молодой человек хмыкнул:

– Артем Киреев.

– Татьяна Хорошавина, – прозвучал голос.

Вера отыскала глазами девушку. Та была встревожена, и только.

– Я помню, с вами мы уже встречались.

– Но официально меня вам никто не представлял, – возразила Татьяна.

– Сергей Иртеньев, – назвался еще один актер.

И только после этого молодая актриса, стоявшая рядом с ним и которая танцевала с ним прежде, подала голос:

– Алиса Иртеньева.

Вера кивнула всем и перешла к делу:

– Что вы можете сказать о Федоре Андреевиче Волкове?

Все молчали, только Стас Холмский всхлипывал.

– Он очень добрый был, – вдруг негромко произнесла Хорошавина.

– Великий артист и замечательный наставник, – подхватила Алиса Иртеньева.

– Большой талант, – прозвучал голос Киреева.

– Он нам с Алисой помог, когда у нас не было средств даже квартиру снимать, – последним высказался Сергей Иртеньев.

ньев.

Хорошавина, очевидно, хотела еще что-то сказать, но, посмотрев на Скаудера, промолчала.

И тогда Вера обратилась к режиссеру:

– А вы что скажете?

Гибель Эскадры пожал плечами:

– Присоединяюсь ко всему выше сказанному.

– То есть вы так же считаете, что Волков – большой талант?

– Разумеется. Что вы от меня еще хотите? – раздраженно спросил он.

– Ничего более. Добавлю только, что и Алексей Дмитриевич, насколько я понимаю, тоже великий артист. И Борис Адамович Ручьев... Жаль, что они уже в возрасте. Но советую вам учиться мастерству. Особенно тому, как они умеют выдерживать паузу. Ни меньше ни больше, а ровно столько, сколько нужно.

– Я не понимаю! – не выдержал Софьин. – Здесь почти на наших глазах произошло убийство! Два талантливых, как вы пытаетесь доказать, дурака нажрались, и один зарезал другого. Он ведь зарезал его не дома, или в подворотне, или в общественной бане. А на моем корабле! Он сломал мне бизнес! Многомиллионные вложения – коту под хвост! А вы, Верочка, выясняете, кто из них талантливее? Они, как мне помнится, сами выясняли это, и вот чем закончилось.

Вера не успела ничего ответить, потому что раздалось

треньканье балалайки, и в зал ворвались, приплясывая, Козленков и двое бородатых богатырей. Один из них, а именно Ручьев в накладной бороде, брэнчал на балалайке, а сам Козленков пел вместе с бородатым внезапно воскресшим Федором Андреевичем Волковым.

Смерть Кощеева в яйце,
А яйцо лежит в ларце.
Значит, три богатыря
Били в пах Кощея зря.
Ла-ла-ла-а!
Ла-ла-ла-а!

– А-а-а! – громко закричали все актеры и зааплодировали. Только Танечка Хорошавина закрыла лицо и зарыдала от счастья.

– Так это розыгрыш был! – удивился Гилберт Янович и растерянно посмотрел на Софьина.

Тот стоял бледный и молчал.

– Не обижайтесь, Борис Борисович, – попросил его Скаuder. – Это ведь актерская традиция вот так разыгрывать друг друга.

– Я вас тоже очень скоро разыграю: сокращу финансирование в будущем году, – мрачно пообещал Софьин.

Иван-царевич с престарелыми богатырями продолжали петь:

У Прекрасной Василисы
Силиконовая грудь...

Теперь к ним присоединилась Алиса Иртеньева:

Дуракам закон не писан:
Им бы только... ущипнуть.

– Дураки вы все! – махнул рукой Софьин и обернулся к Вере.

Она улыбалась.

– Вам нравится? – удивился олигарх.

Вера кивнула.

Борис Борисович вернулся за стол, сел рядом с ней, достал из ведра бутылку, начал открывать ее.

– Чего на приколе встал, Гибель Эскадры? – крикнул он наблюдающему за его действиями худруку. – Тащи еще шампанское! Все вместе будем пить и радоваться вашим дурацким глупостям.

Ящик с шампанским стоял неподалеку, спрятанный под столом и прикрытый приспущенной скатертью. Хлопнула открываемая бутылка. Вера подставила свой бокал. И, наполняя его, Софьин сказал:

– Вы сразу поняли, что это розыгрыш?

– Сначала так и подумала. Потом я поддалась общей печали. Но когда увидела место преступления, поняла, скорее всего, ничего здесь не произошло. По густоте пятен и запа-

ху поняла, что это не кровь, а какой-то сок. И стала ждать, когда шутники появятся. Думала, что они тянуть долго не будут, потому что в этом случае им не простят. А так вроде все весело было. Не правда ли?

Софьин поморщился:

– Не знаю, мне так не смешно абсолютно. Ни тогда, ни теперь. Я – серьезный человек. Хотя нет, люди – это они, а я – серьезный бизнесмен. Может, им кажется шуткой издеваться надо мной, но я такие вещи не прощаю. Сейчас по бокальчику лично с вами выпьем, и я пойду.

Но сидели еще долго. Борис Борисович успокоился, пил шампанское, произносил тосты и даже смеялся, говорил комплименты артистам. Вера искренности Софьиной не верила, чувствовала, что олигарх что-то задумал.

А время пролетело быстро. Борис Борисович поднялся и сообщил одной лишь Вере, что через двадцать минут судно отходит и он хочет посмотреть за процессом с капитанского мостика, Вера идти с ним отказалась.

Через какое-то время палуба под ногами начала медленно дрожать. Но этого, судя по всему, никто из присутствующих не заметил. Под гитару Волкова артисты дружным хором пели неизвестную Вере песню.

Нам до счастья осталось немного,
Будет солнце сиять, а пока
Дождь идет по велению бога,
Укрывая в туман берега...

Вдруг Вера вспомнила, что на борту судна должен быть еще один пассажир, о котором все почему-то забыли и не вспоминали совсем. Пассажир, которого не было на общем празднике и на ужине. И вообще Бережная не видела ее нигде: ни в коридорах, ни на палубе, ни в лифтах. Элеонора Робертовна Герберова – ответственный сотрудник Министерства культуры.

Не может быть, чтобы она брезговала общением с артистами!

А на подиуме артисты продолжали с веселым самозабвением распевать то, что наверняка написал сам Федор Андреевич, смотрящий сейчас на всех с высоты своего роста и своего таланта с любовью и жалостью.

Не бывает любви без скитанья, Небо плачет, но ты не реви:

Посылает судьба испытанья

Только тем, кто достоин любви...

Глава 8

Около двух часов ночи Вера Бережная попросилась с артистами, сказав, что у нее была тяжелая командировка и она хотела бы отдохнуть. Ее пытались удержать, потому что, кроме шампанского, появились и другие напитки, праздник становился все веселее, но она отказалась.

Да и в самой артистической компании начались разброд и шатание, кто-то выходил курить на свежий воздух, кто-то выбегал в каюту, чтобы принести из мини-бара очередную бутылку. Вера поднялась на лифте, прошла по коридору и уже почти достигла двери своей каюты, как услышала неподалеку приглушенный разговор. Она замерла и прислушалась. Голоса доносились из-за двери одной из кают. Мужчина и женщина разговаривали негромко, слов было не разобрать. Пришлось сделать несколько шагов назад, чтобы определить дверь, за которой шла беседа.

Разговор был нервный. Но Веру удивило другое: она даже не догадывалась, что в этом отсеке путешествует еще кто-то, кроме Софьиной, Скаудера и ее самой. А теперь получается, что здесь инкогнито направляется в Петербург какая-то пара и, судя по разгневанному тону женщины, можно предположить, что это семейная пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.